

О ЗАУРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ АРЕАЛА ЛЕСНЫХ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ

В энеолитическую эпоху в юголесной полосе Урало-Поволжского региона выделяется свита археологических культур: аятская, гаринская, новоильинская, юртиковская, волосовская, имеющих сходство по ряду существенных признаков материальной культуры, которые традиционно рассматриваются археологами как культуурообразующие и даже этнообразующие.

Прежде всего это сходство (общность) четко проявляется в абсолютном господстве гребенчатой традиции в орнаментации посуды названных культур с преимущественно зональной разбивкой орнаментального поля сосудов, общих элементах домостроительства, в основе которого лежат принципы возведения наземных или слегка углубленных подчетырехугольных жилищ каркасно-столбовой конструкции, господстве отщеповой техники обработки камня, появлении в комплексах первых медных изделий и, наконец, малочисленности (а для ряда культур и полном отсутствии) погребальных памятников.

Немногочисленные могильники (кроме волосовской культуры)¹ обычно представлены одиночными захоронениями на поселениях, в жилищах или около них редко образуют компактные могильные группы. Для погребального обряда характерны грунтовый способ захоронения, вытянутое на спине положение костяков, присутствие охры или других проявлений культа огня, снабжение покойников немногочисленным инвентарем, прежде всего подвесками, почти полное отсутствие сосудов. В целом погребальная обрядность у населения лесной зоны Урало-Поволжского региона (во всяком случае, обрядность, обязательным элементом которой являлось предание тела земле) в энеолитическую эпоху находилась на стадии формирования, что допускало достаточно широкую вариабельность различных слагаемых ее компонентов.

Общие черты, присущие названным лесным культурам с гребенчатой традицией орнаментации, достаточно четко обособляют их от ареала культур с ямочно-гребенчатой керамикой на западе, гребенчато-ямочной на востоке и культур хвалынского-среднестоговского и ямного круга на юге*. Внутри самого ареала лесных культур (на что неоднократно обращали внимание ис-

---

* Это, правда, не исключает наличие некоторых сходных черт между лесными культурами и культурами сопредельных территорий. Причем это сходство, или общие черты, может объясняться не только контактами в энеолитическую эпоху, но и тем, что сходные (общие) черты материальной культуры уходят своими корнями в позднэнеолитическую и, может быть, более раннюю эпоху Урало-Поволжского региона.

следователи) также выделяются, по крайней мере, две области (культурно-исторические общности), различия между которыми прежде всего фиксируются на уровне особенностей композиционного построения узоров и в некоторой степени по характеру примесей в тесте сосудов.

Восточная (зауральская) область, представленная прежде всего памятниками аятской культуры, в этом плане отлична от западной (поволжско-приуральской, или волосовско-гаринской), прежде всего более усложненной орнаментацией посуды, выполненной в зарождающейся традиции гребенчатого геометризма, в наличии, а в большинстве комплексов и в абсолютном господстве тальковой примеси в тесте сосудов. Определенные отличия наблюдаются и в каменной индустрии (типичная для западной области плитчатая техника и «фигурный» кремль менее характерны для восточной области), домостроительстве (обычные для поволжско-приуральской области жилища с переходами практически не характерны для Зауральского региона) и, возможно, в погребальной практике (появление небольшого количества компактных могильников, до конца пока не понятных «ритуальных кладов» (Волосово, Володары, Сахтыш II) и комплексов (Сахтыш II) в ареале волосовской культуры).

В рамках восточной области аятская орнаментальная традиция являлась хотя и основной, но не единственной. На территории лесного Зауралья и Притоболья одновременно с ней существовала (по крайней мере на одном из этапов своего развития) и липчинская культура. Классические памятники последней содержали посуду, также орнаментированную геометрическими узорами, но выполненную преимущественно отступающе-накольчатой техникой и нанесенными не только по принципу горизонтальной, но очень часто и вертикальной зональности.

В литературе высказывалась мысль о связи этой традиции с юго-восточными районами Западной Сибири, прежде всего с памятниками новокусовского (кипринского) и отчасти игрековского типов². В материалах этих районов отступающе-накольчатая техника в сочетании с отступающе-гребенчатой, гребенчатой и насечками занимала важное место в последующей самусьской орнаментальной традиции, а в предшествующее поздненеолитическое время она встречалась наряду с прочерченной, накольчатой и гребенчатой на посуде памятников завьяловского типа³.

Не отрицая определенной близости между зауральско-притобольскими липчинскими и обь-иртышскими новокусовскими (кипринскими) и отчасти игрековскими комплексами, считаю все же, что эта близость определена не миграционными процессами, шедшими в эпоху энеолита из Обь-Иртышья в Притобольско-Зауральский регион, а причинами иного плана. Тем более, что зауральско-притобольские и обь-иртышские комплексы отступающе-накольчатой керамики непосредственно друг с дру-

гом в энеолите не соприкасались, а были расчленены мощным ареалом иной, гребенчато-ямочной, керамики⁴. Причины сходства рассматриваемых памятников предпочтительнее искать в культурно-исторической ситуации, сложившейся в этих регионах в предшествующую неолитическую эпоху, когда наблюдалась постоянная (видимо многоволновая) инфильтрация в лесостепные и лесные регионы населения с накольчатой (линейно-накольчатой) традицией из районов, лежащих к югу и юго-западу от Урало-Сибирского региона. В некоторых регионах, в частности Зауральско-Притобольском и Обь-Иртышском, эта традиция оказала существенное влияние на аборигенные группы населения, что проявилось в лесном Зауралье в сосуществовании в эпоху неолита и энеолита двух орнаментальных традиций: линейно (отступающе)-накольчатой и гребенчатой, а в Обь-Иртышском регионе — прочерченной и отступающе-накольчатой (новокусковская и игрековская посуда).

Учитывая изложенное, кажется перспективным рассмотрение проблемы генезиса липчинской культуры, во всяком случае такого ее культурообразующего компонента, как отступающе-накольчатая техника орнаментации посуды, в контексте развития и распространения широкого круга неолитических и энеолитических культур с накольчатой (линейно (отступающе)-накольчатой) техникой орнаментации традиционно локализовавшихся в районах, расположенных к юго-западу от лесного Зауралья и в несколько иной природно-ландшафтной зоне: лесостепи и степи.

В этой связи кажется плодотворной мысль, высказываемая рядом исследователей⁵, о заимствовании лесным населением Восточной Европы и Урала идеи керамического производства у населения лесостепных и степных районов, в керамике которых накольчатая техника изначально была определяющей. Это и предопределило довольно раннее проникновение накольчатой техники в среду лесного населения, которое, наряду с привнесенной накольчатой манерой орнаментации посуды, уже на ранних этапах керамического производства выработало и свою (автохтонную) гребенчатую традицию орнаментации посуды. Фиксируемые же контакты лесного населения с населением более южных регионов в неолитическую и энеолитическую эпохи (в том числе, может быть, и прямые миграции южных коллективов в лесную зону) постоянно «подпитывали» традицию накольчатой орнаментации в лесной зоне и способствовали ее сохранению в среде автохтонной гребенчатой традиции вплоть до конца эпохи энеолита. В Зауралье последней такой культурой с отступающе-накольчатой традицией орнаментации оказалась липчинская.

Сразу же оговорюсь, что из этого предположения ни в коем случае не вытекает тезис о том, что население липчинской культуры являлось прямым приемником известных в Зауральско-

Притобольском и сопредельных с ним регионах неолитических культур с накольчатой (линейно-накольчатой) традицией орнаментации. Генезис ее проходил в тесном взаимодействии с культурами гребенчатой керамики, которые, безусловно, оказали на ее формирование значительное влияние. В результате этого в энеолите сложилась новая самобытная липчинская культура, органически соединившая в керамических комплексах черты накольчатой (с трансформацией линейно-накольчатой техники в отступающе-накольчатую, которая по внешнему восприятию ближе гребенчатой) и гребенчатой орнаментальных традиций. Влияние отступающе-накольчатой традиции орнаментации на гребенчатую в лесном Зауралье и Притоболье проявилось и в таких оригинальных энеолитических комплексах, как шапкульские, где основным приемом орнаментации была гребенка, нанесенная на поверхность посуды не только в обычной печатной манере, но и отступающей. Причем в последнем случае гребенчатый штамп ставился не перпендикулярно по отношению к плоскости сосуда, а под углом, что совпадало с принципами орнаментации ложношнуровой керамики⁶. Наличие же в шапкульских комплексах посуды в манере отступающе-накольчатой техники убедительно свидетельствует об органическом слиянии двух орнаментальных традиций (отступающе-накольчатой и гребенчатой) в лесной зоне Зауральско-Притобольского региона⁷.

Как уже отмечалось, органическое слияние отступающе-накольчатой и гребенчатой традиций проявляется и в самих липчинских комплексах. Часть посуды этой культуры орнаментирована типичной для лесных культур гребенчатой техникой. В литературе этот тип керамики обозначают термином «гребенчатая липчинка». Присутствие этого типа и позволяет рассматривать в данной статье липчинскую культуру в целом в рамках ареала лесных энеолитических культур гребенчатой керамики.

В связи с этим неизбежно возникает проблема соотношения и взаимодействия комплексов аятского, суртандинского, липчинского и кысыкульского типов.

Кысыкульские комплексы, выделенные К. В. Сальниковым⁸ и проанализированные на более обширном материале Л. Я. Крижевской,⁹ отражают, скорее всего, процессы взаимодействия в пределах горной части Южного Зауралья (прежде всего в так называемом Кыштымском озерном крае, локализуемом на севере Челябинской области) двух, а то и трех культурных групп уральского населения: аятского, липчинского и, в меньшей степени, суртандинского. Причем они свидетельствуют не об образовании принципиально новой археологической культуры, а отражают тесные контакты и проживание на одной территории и в одних поселках отмеченных групп населения на определенном этапе их развития, приведшем к созданию совместных коллективов, где традиции разных (хотя и родственных) культурных групп в некоторой степени смешались (взаимонивели-

ровались), но все же, в конечном счете, не теряли своей культурной самобытности.

Не ставя своей задачей раскрытие всех причин, обусловивших процесс образования таких синкретических кысыкульских комплексов, обратим внимание только на одну из возможных. В районе Кыштымского озерного края начинается знаменитый яшмовый пояс Урала, высококачественное сырье которого могло привлекать сюда различные, но родственные группы уральского населения.

Теперь о понятии «суртандинская культура», которую выделяет в лесостепных и степных районах Южного Зауралья Г. Н. Матюшин¹⁰ и которым оперируют в своих работах по проблемам энеолита сопредельных территорий многие исследователи. Правда, некоторые из них отмечают, что характеристика материалов памятников этой культуры, приводимая в работах Г. Н. Матюшина, «столь неконкретна и противоречива, что... требует специального исследования»¹¹.

Действительно, по определению Г. Н. Матюшина, суртандинская керамика характеризуется следующими основными культурообразующими признаками: прямостенная круглодонная (изредка с уплощенным дном) тальковая посуда с прямыми или слегка отогнутыми наружу венчиками, сплошная орнаментация всей наружной поверхности, хотя между орнаментальными зонами и есть просветы, преобладание в орнаментации всевозможных геометрических фигур-ромбов, треугольников, «сотов», вертикальных и горизонтальных «лесенок», иногда обрамленных «бахромой», выполненных в абсолютном большинстве мелкогребенчатым штампом¹². К этой характеристике следует добавить также наличие на суртандинской посуде как горизонтальной, так и вертикальной зональности¹³, а также присутствие во всех суртандинских памятниках значительного числа фрагментов керамики не с геометрической, а с упрощенной орнаментацией, которую Г. Н. Матюшин называет неолитической, неолитоидной, связывая ее с самостоятельным неолитическим слоем на поселениях, или считая, что она одновременна геометрической суртандинской¹⁴. Отсутствие в работе статистических данных по соотношению в комплексах фрагментов керамики с геометрической и упрощенной орнаментацией затрудняет оценку их соотношения. Но просмотр иллюстраций, помещенных в монографии, показывает значительную роль последней в комплексах суртандинской посуды на поселениях.

Все перечисленные Г. Н. Матюшиным культурообразующие признаки суртандинской посуды при внимательном рассмотрении характерны, по крайней мере, еще для одного варианта посуды лесного Зауралья — «гребенчатой липчинки» и, в некоторой степени посуды аятской культуры, которая, кстати, почему-то вообще в монографии Г. Н. Матюшина не упоминается. Некоторые памятники последней и отдельные сосуды, особенно

с тальковой примесью в прикамских комплексах, которые О. Н. Бадер назвал сосудами зауральского (по О. Н. Бадеру горбуновского, т. е. аятского) происхождения¹⁵, Г. Н. Матюшин без особой аргументации включил в круг памятников суртандинской культуры или ее влияний¹⁶.

Ничем принципиально не отличается от липчинского и аятского и набор каменных изделий суртандинских, по Г. Н. Матюшину, памятников.

Приведенные факты близости, а иногда и полного сходства липчинских (гребенчатый ее вариант) и отчасти аятских комплексов с суртандинскими во многом «размывают» понятие суртандинской культуры. А если учитывать еще наличие в суртандинских комплексах значительного процента негеометрической гребенчатой керамики, а также черепков, орнаментированных отступающе-накольчатой техникой¹⁷, то вообще создается впечатление, что суртандинская культура в классическом понимании термина «археологическая культура» представляет собой не самостоятельное явление, а результат симбиоза двух лесных зауральских культур: липчинской (особенно ее гребенчатый вариант) и аятской. Либо же она сложилась на местной неолитической, гребенчатой по орнаментации основе, единой или близкой для зауральских культур: аятской, липчинской и суртандинской, но при значительном влиянии липчинской, во многом предопределившей и ярко выраженный геометрический облик суртандинской посуды.

Таким образом, материалы суртандинского типа вполне могут отражать движение части лесного зауральского населения (прежде всего липчинского и, может быть, аятского) к границам лесостепи и степи в среду родственного по своей гребенчатой основе постнеолитического населения Южного Урала. Одной из побудительных причин переселения (и то, вероятно, только к озерам и в поймы рек, минуя открытые степные пространства) была потенциальная готовность лесных племен, достигших относительно стабильного уровня существования на базе развития оседлого рыболовства и отчасти сезонной охоты на мигрирующих копытных животных, к восприятию навыков производящих форм хозяйства. Тем более, что первые группы населения, знакомые с производящими формами хозяйства (прежде всего со скотоводством) в лесостепи и степи Поволжско-Уральского региона, стали к этому времени появляться — хвалынцы, ботайцы, ямники. Не случайно поэтому и обнаружение немногочисленных костей домашних животных в ряде энеолитических памятников Южного Урала¹⁸, в том числе и на южной кромке лесной зоны¹⁹. Окончательный переход лесного уральского населения к производящим формам хозяйства происходит в последующую андроновскую эпоху. Причем воспринимается оно лесными уральцами уже в сложившемся виде.

Изложенное выше позволяет говорить, что в энеолите в лес-

ных и прилегающих к ним лесостепных районах Зауралья сложилась общность нескольких культур: аятской, липчинской, суртандинской и памятников кысыкульского типа, образованных за счет контактов и совместного проживания аятского и липчинского населения.

Взаимодействуя с этой общностью, а, может быть, даже входя в нее, образуя ее северную и южные периферии, развивались культуры и культурные типы северотаежных районов Приуралья, Зауралья и Западной Сибири: чужьяёльские²⁰, атымьинские и волвончинские²¹, моршининские²², шапкульские²³, и, очевидно, комплексы типа стоянок Ир II²⁴, Малый Атлым²⁵ и им подобных, а в лесостепных и северостепных районах Казахстана — ботайские²⁶ и терсекские²⁷. Не без влияния отмеченной общности, прежде всего, видимо, населения аятской, а не суртандинской, культуры²⁸ шло формирование в лесостепном Поволжье и памятников турганинского типа²⁹.

Возможно, что влияние лесных культур гребенчатого геометрзма простиралось и на районы Северо-Запада России. В литературе неоднократно отмечалось наличие в ареале культур ямочно-гребенчатой керамики комплексов посуды «геометрического стиля», имеющих несомненное сходство с культурами гребенчатой керамики Приуралья и Зауралья, и высказывалась мысль о прямых миграциях уральского населения на территорию Северо-Запада России и даже в Финляндию³⁰. Возможность таких далеких связей подтверждается анализом и некоторых других категорий археологического материала³¹.

Еще более тесные и, видимо, постоянные контакты происходили между населением восточной и западной областей единого ареала энеолитических лесных культур гребенчатой керамики. Гаринские проявления обнаруживаются в некоторых суртандинских памятниках³², а также на территории горнолесного Южного Приуралья³³. Совместное залегание гаринской, аятской и липчинско-суртандинской посуды зафиксировано на стоянках горнолесной зоны северо-восточной Башкирии (бассейн р. Ай): Месягутово, Гумерово, Средняя Ока³⁴ и, особенно, на поселении Большая Ока I, где в двух раскопанных автором жилищах совместно залегала посуда гаринского, аятского, липчинского (отступающе-накольчатая) и липчинско-суртандинского типов, украшенная мелкогребенчатыми косо- или прямопоставленными штампами.

В свою очередь аятские и липчинско-суртандинские (с гребенчатой ornamentацией) сосуды присутствуют на памятниках волосовско-гаринской общности. Их отмечали О. Н. Бадер, Г. Н. Матюшин, Р. С. Габяшев³⁵ и др.

Фиксируемый в эпоху энеолита в лесной зоне восточного региона европейской части России ареал гребенчатой керамики, с его западной и восточной областями (общностями) отражал, видимо, как неоднократно отмечали исследователи³⁶, ранние

этапы развития культур финно-угорской общности, вероятно, на той стадии развития, когда намечается ее разделение на финно-пермскую (поволжско-приуральскую) и угорскую (зауральскую) общности.

На западе этот ареал соприкасался с ареалом культур ямочно-гребенчатой керамики, этническая атрибутика которого оценивается специалистами неоднозначно³⁷, на востоке — с ареалом культур гребенчато-ямочной керамики, этническая принадлежность которых традиционно отождествляется с древними этапами развития самодийского этноса³⁸.

Южнее ареала лесных культур гребенчатой керамики существовали культуры, в орнаментации которых большую роль играли прочерченно-накольчато-гребенчатые орнаменты, этническая атрибутика которых обычно связывается с ранними этапами формирования народов индоевропейской языковой общности.

Население лесных культур гребенчатой керамики имело постоянные контакты с коллективами каждого соседнего с ними культурного ареала. Особенно плодотворными для последующих этапов развития оказались контакты с культурами, лежащими к югу от Урало-Поволжского региона. Этот южный ареал культур прочерченно-накольчато-гребенчатой орнаментации, сам в эпоху неолита и энеолита испытывая определенное культурное влияние лесных культур гребенчатой керамики Урало-Поволжского региона, сыграл, видимо, особую роль в развитии последних. Он является тем передаточным звеном, через которое в лесную зону передавались многие достижения южных и западных регионов: идея керамического производства, металлообработка, развитый погребальный обряд с преданием тела земле, а в эпоху бронзы — навыки производящих форм хозяйства и т. д.

¹ См.: **Крайнов Д. А.** Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР. М., 1987. С. 23—24.

² См.: **Косарев М. Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С. 42, 70.

³ См.: **Молодин В. И.** Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. С. 12, 75; **Косарев М. Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. С. 86—106.

⁴ См.: **Косарев М. Ф.** Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР. С. 316.

⁵ См.: **Ковалева В. Т.** Некоторые дискуссионные проблемы в изучении раннего неолита лесного Зауралья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы европейской части СССР. Ижевск, 1988. С. 112.

⁶ См.: **Старков В. Ф.** Стоянка Шапуль I и особенности энеолита в лесном Зауралье // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976. С. 41—48; **Косарев М. Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. С. 45—46.

⁷ См.: **Старков В. Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. С. 157—168.

⁸ См.: **Сальников К. В.** Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. 1962. Т. 1. С. 26—27.

- ⁹ См.: Крижевская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977. С. 7—48.
- ¹⁰ См.: Матюшин Г. Н. К проблеме энеолита Южного Урала // ПХКПАПЗС. 1970; Он же. Энеолит Южного Урала. М., 1982.
- ¹¹ См.: Васильев И. Б. Поздний энеолит юга лесостепного Поволжья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990. С. 62.
- ¹² См.: Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. С. 95.
- ¹³ См.: Там же. Табл. 1—10, 17, 19, 22, 23, 26—306, 41—476, 60, 61, 64, 65, 72—74, 76, 78, 79, 81—83.
- ¹⁴ См.: Там же. С. 14—94.
- ¹⁵ См.: Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. 1961. № 99. Рис. 15, 30, 94 и др. С. 139, 187 и др.
- ¹⁶ См.: Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. С. 11, 114.
- ¹⁷ См.: Там же. С. 21, 65, 66—67, 71, 81 и др.
- ¹⁸ См.: Там же. С. 282—283.
- ¹⁹ См.: Петренко А. Г. Костные остатки животных с поселения Муллино // Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. Прил. С. 307.
- ²⁰ См.: Стоколос В. С. Древние поселения Мезенской долины. М., 1986; Он же. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988.
- ²¹ См.: Кокшаров С. Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конда // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1992. С. 93—95.
- ²² См.: Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. С. 154—157.
- ²³ См.: Там же. С. 157—168; Он же. Стоянка Шапкуль 1... С. 41—48.
- ²⁴ См.: Косинская Л. Л. Поселение Ир II // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. Рис. 4, 9.
- ²⁵ См.: Окладников А. П., Молодин В. И., Волков И. А. Памятник у села Малый Атлым на реке Оби // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 120—125.
- ²⁶ См.: Зайберт В. Ф. Поселение Ботай и задачи исследований энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985; Мартынюк О. И. Керамика поселения Ботай // Там же.
- ²⁷ См.: Логвин В. Н. Каменный век Казахстанского Притоболья: (Мезолит-энеолит). Алма-Ата, 1991. С. 31—34.
- ²⁸ См.: Васильев И. Б. Поздний энеолит... С. 59—62.
- ²⁹ См.: Там же. С. 59—63.
- ³⁰ См.: Третьяков В. П. Об уральских элементах на ямочно-гребенчатой керамике «геометрического стиля» // КСИА. 1967. Вып. 111; Он же. О связях древних племен Прикамья и юго-западной Финляндии во II тысячелетии до н. э. // КСИА. 1969. Вып. 115; Он же. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л., 1972. С. 75—87.
- ³¹ См.: Чернецов В. Н. Наскальные изображения уральского ареала // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 47—52.
- ³² См.: Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. С. 23.
- ³³ Керамика, близкая гаринской, обнаружена В. Н. Широковым на памятнике Бурановский навес на р. Юрюзань, расположенном примерно в 20 км к СВ от г. Усть-Катава Челябинской области. Автор благодарит В. Н. Широкова за разрешение сослаться на неопубликованный материал.
- ³⁴ См.: Морозов Ю. А. Энеолитические памятники Приуралья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. С. 74—79.
- ³⁵ См.: Бадер О. Н. Поселения турбинского типа... С. 139, 187 и др. Рис. 15, 30, 94 и др.; Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. С. 113—115; Габяшев Р. С. Итоги раскопок III Русско-Азбейской стоянки // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981. С. 18—19. Рис. 5-2.
- ³⁶ См., напр.: Бадер О. Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972; Косарев М. Ф. Некоторые вопросы... С. 314.

³⁷ См.: Бадер О. Н. О древнейших финно-уграх... С. 10—11; Косарев М. Ф. Некоторые вопросы... С. 315.

³⁸ См.: Там же.

Г. В. БЕЛЬТИКОВА
Уральский университет

РАЗВИТИЕ ИТКУЛЬСКОГО ОЧАГА МЕТАЛЛУРГИИ

Реконструкция процесса развития очага опирается на систему дат отдельных памятников, гнезд и очага в целом. Датирование проводится по совокупности данных, а именно: 1. Стратиграфическим наблюдениям; 2. Системе связей и синхронизации с другими культурами; 3. Датированию медно-бронзового сортамента. То есть для датирования привлекаются как внешние ресурсы, позволяющие установить широкие хронологические рамки очага, так и внутренние, которые дают возможность определить узкие рамки функционирования очага и наметить этапы его развития.

Имеющиеся данные по стратиграфии позволяют установить только широкие хронологические рамки иткульских отложений на памятниках. Каких-либо наблюдений по стратифицированию самого иткульского слоя, позволяющих наметить внутренние этапы развития очага, не отмечено. Известно, что однослойные и многослойные памятники с четкой стратиграфией в Зауралье редкость. Культурный слой здесь, как правило, содержит разновременные и разнокультурные, стратиграфические неделимые отложения. В лучшем случае границы между слоями размыты и устанавливаются благодаря статистической обработке материала. В частности, на многих памятниках в одном слое с иткульским материалом единичными или доминирующими включениями идут гамаюнские (ДБГ, МТ, AVII, КК, ЗII) ¹, воробьевские (НII), воробьевские и петрогромские (ГП), гороховские (Шд, ИрГ) фрагменты керамики. И лишь на 6 многослойных памятниках материалы убедительно стратифицированы (ИтГІ, НII, Шд, Абс, ВМ, Ат). Однако данные по 2 памятникам — ВМ и Ат в настоящее время не могут быть использованы, так как остатки, предшествующие иткульским, определены лишь общими терминами — «эпоха развитой бронзы» (ВМ), «эпоха поздней бронзы» (Ат). На ИтГІ практически вся толща культурного слоя связана с периодом функционирования иткульских сооружений: городища и металлургического комплекса в нем. К периоду до сооружения городища относится линза прокала с керамикой межковского типа, к послегородищенскому — очаги с остатками металлургического производства, обломков бронзовых поделок и фигурно-штампованной керамикой, которая на таежных и лесостепных памятниках датируется III—V вв. н. э. ²